

Годъ VI.

Выпускъ 3-4.

1909 г.

Отъ 15-го Марта.

Пастырское настроеніе

по словамъ „о священствѣ“ Іоанна Златоуста (†407).

(Продолженіе).

Іоаннъ Златоустъ полонъ былъ страхомъ и предъ величіемъ, важностью ученія, передаваемого священниковъ во всехъ трудныхъ обстоятельствахъ. Какъ учитель вѣры и нравственности, пастырь Церкви, по примѣру св. Апостола Павла, не обвиняясь, возвѣщаетъ вѣренной его смотрѣнію паствѣ всю волю Божию (20, 27), раскрывая предъ нею все то, во что долженъ вѣровать, что дѣлать и чего удаляться всякій христіанинъ для полученія вѣчнаго блаженства. Онъ безъ страха и лицемѣрія возвѣщаетъ слово истины славнымъ и неславнымъ, сильнымъ и безсильнымъ, богатымъ и бѣднымъ; каждый, сообразно съ возрастомъ, поломъ и состояніемъ, получаетъ отъ него наставленіе. Можетъ ли быть какая-нибудь должность труднѣе должности христіанскаго наставника? Какими высокими достоинствами ума и сердца, какою глубокою и многостороннею мудростію и, особенно, какимъ помазаніемъ долженъ быть надѣленъ Богомъ тотъ, кто рѣшился посвятить себя великому многотрудному и священному дѣлу проповѣдника! Сколько тутъ требуется опытности, знанія человѣческаго сердца, умѣнья пользоваться обстоятельствами, знакомства со средствами, какъ отражать все ереси, приспособляться

къ умственному и нравственному состоянію слушателей и имѣть терпѣніе и постоянство при обращеніи отдѣлившихся членовъ церкви, нося въ мысляхъ и на языкѣ слова: „егда како дастъ имъ Богъ познаніе истины и возникнутъ отъ діавольскія сѣти (2 Тим. 2, 25 26). Но сколько пастырю приходится встрѣчать и препятствій къ свободному обличенію пороковъ и сколько вытерпѣть неприятностей за то, что будетъ раскрывать нравственную наготу своихъ слушателей. Такъ представляется это по мыслямъ святого отца, который страшится своего недостойнства, взирая на трудность и важность проповѣднической обязанности. Таковой моментъ пастырскаго настроенія Іоаннъ Златоустъ рельефно рисуетъ, начертывая въ примѣръ для пастырей образъ Апостола Павла. „Никто не любилъ Христа болѣе Павла, никто болѣе его не показалъ ревности, никто не былъ удостоенъ большей благодати, но, не смотря на все это, онъ еще боится, еще трепещетъ, взирая на свою власть и на подвластныхъ ему. Боюся,—говоритъ онъ,—да не каковоже яко змій Еву прельсти, тако истлѣютъ и разумы ваша (уклонясь) отъ простоты, яже о Христвѣ. И еще: въ страхъ и трепетъ мнози быхъ въ васъ (2 Кор. II, 3, 1 Кор. 2, 3). Человѣкъ, восхищенный до третьяго неба, содѣлавшійся причастникомъ тайнъ Божіихъ, претерпѣвшій столько смертей, сколько по увѣрованіи жилъ дней; человѣкъ, не желавшій пользоваться даже данною ему отъ Христа властію, чтобы кто изъ вѣрующихъ не соблазнился (1 Кор. 10, 23); если онъ, исполнившій болѣе, нежели сколько повелѣно Богомъ (1, 14, 18, 17), и искавшій во всемъ не своей пользы, но пользы руководимыхъ имъ, если уже онъ исполнялся такимъ страхомъ, взирая на великость власти своей: то что будемъ дѣлать мы, почги во всемъ ищущіе своего, не только не исполняющіе болѣе, нежели сколько заповѣдалъ Христосъ, но большею частію преступающіе и предписанныя заповѣди?“ Поэтому Іоаннъ Златоустъ предчувствуетъ великую отвѣтственность пріемлющаго священство на страшномъ судѣ. Такое чувство являетъ содержаніе иного рода момента пастырскаго настроенія: „Повинуйтесь наставникомъ вашимъ и покарьтесь: ти бо бдятъ о душахъ вашихъ, яко слово воздати хотяще (Евр. 13, 17). — Страхъ такой угрозы всегда потрясаетъ душу мою. — Если соблазняющему только единаго изъ малѣйшихъ уне есть, да обѣсится жерновъ осельскій на выи его и потонетъ въ лучинѣ моретѣй;“ и, если мы, уязвляющіе совѣсть братьевъ, согрѣшаемъ противъ самаго Христа (Мат. 18, 6, 1 Кор. 8, 12): то какое должны потерпѣть наказаніе тѣ, которые погубили не одного изъ малыхъ, не двухъ и не трехъ, но такое множество? Здѣсь нельзя извиняться неопытностію и при-

нужденіемъ... Определенный исправлять невѣжество людей и предвѣщать о наступающей войнѣ отъ діавола—не можетъ оправдываться незнаемъ и не можетъ говорить: „я не слышалъ трубы, не предвидѣлъ войны“. Онъ, какъ говоритъ Іезекіиль, для того и поставленъ стражемъ, чтобы трубить и предупреждать другихъ объ угрожающихъ бѣдствіяхъ. Поэтому неминуемо постигнетъ его наказаніе, хотя бы погибъ и одинъ только человекъ. Аще стражъ увидитъ мечъ грядущъ и не вострубитъ людямъ и не проповѣсть и, нашедъ мечъ, возметъ душу: та убо беззаконія ради своего взяся, а крове ея отъ руки стража взышу (Іез. 33 6.). Очевидно, одна только любовь къ Богу и ближнимъ можетъ стать въ основаніе у определеннаго исправлять невѣжество людей, предвѣщать о наступающей войнѣ отъ діавола и чувствовать страхъ отвѣтственности; посему любовь къ Богу и ближнимъ является основнымъ моментомъ пастырскаго настроенія. „Нѣтъ никого, кто бы, читая,—говоритъ Исидоръ Пелусіотъ,—эту книгу не уязвился въ сердцѣ своемъ любовью“. Само уже служеніе пастырское, какъ говоритъ Іоаннъ Златоустъ, свидѣтельствуемъ о любви къ Богу. Врачуя души прихожанъ для полученія ими жизни вѣчной, пастырь обнаруживаетъ къ нимъ сострадательную любовь, ставя въ примѣръ для себя ап. Павла, подвижника Христова: „кто можетъ описать его ревность, его кротость, постоянныя опасности, попеременноя заботы, непрестанныя безпокойства о Церквахъ, состраданіе къ немощнымъ, многія скорби, всегда новыя на него гоненія, каждодневныя смерти? Какое мѣсто во вселенной. какая земля, какое море не знаетъ подвиговъ Праведника?... Послѣ такихъ подвиговъ, послѣ тысячекратныхъ вѣнцовъ, онъ желаетъ низойти въ геенну, быть преданнымъ вѣчному мученію—для того, чтобы іудеи, которые неоднократно поражали его камнями и едва не умертвили его (по крайней мѣрѣ содѣйствовали тому), спаслись и присоединились ко Христу. (Рим. 9, 3). Кто такъ любитъ Христа—если только это должно называть любовью, а не другимъ чѣмъ либо высшимъ любви?“ Такое возвышенное настроеніе принадлежитъ людямъ, одареннымъ благодатію. Последняя-то и есть источникъ пастырскаго настроенія. „Требуется,—говоритъ Златоустъ,—чтобы, принявшій на себя священническую должность, имѣлъ обильную благодать Божію. Иначе души человѣческія обратились бы въ ничто, если бы при этомъ не содѣйствовала имъ всеисильная помощь Божественной благодати. Есть защита при полученіи благодати Божіей полагать надежду спасенія въ томъ, чтобы не дѣлать ничего недостойнаго противъ этого дара“.

Постепенно слагается означенный моментъ пастырскаго на-

строенія. Существенный, по Іоанну Златоусту, признакъ любви—самоотреченіе и самоотверженіе. Самоотреченіе предшествуетъ любви, а самоотверженіе составляетъ самую сущность любви. Отреченіе отъ своего „я“ и своей воли происходитъ путемъ самоукоренія и смиренія. Себялюбіе проявляется прежде всего, какъ любовь къ міру; посему Іоаннъ Златоустъ, отрекаясь отъ міра, удаляется въ пустыню. Онъ продаетъ имѣніе и подвизается такимъ образомъ противъ самыхъ вождельныхъ вещей, распинаясь міру. Такимъ безстрастіемъ къ міру Іоаннъ Златоустъ выказалъ предпочтеніе души предъ плотію.

При извѣстіи о томъ, что его и Василія намѣреваются возвести на степень епископства, Іоаннъ Златоустъ, не доумѣвая за себя, не могъ придумать, откуда явилось такое высокое мнѣніе о немъ, потому что, какъ онъ признается: „углубляясь въ себя, я не находилъ ничего такого, чѣмъ бы заслужилъ это достоинство“. Итакъ, путемъ самоукоренія Іоаннъ Златоустъ отрекается отъ своего „я“. Посему онъ называетъ бѣдственнымъ желаніе чести, первенства и власти. „Это-то желаніе и должно, по моему мнѣнію, всѣми мѣрами изгонять изъ души, не давая ему и заражаться въ ней, чтобы можно было дѣйствовать во всемъ свободно. Кто не желаетъ имѣть этой власти, тотъ не боится и лишиться ея; а не боящійся можетъ все дѣлать съ свойственною христіанину свободою. Напротивъ, боящійся низверженія и при одной мысли приходящій въ трепетъ претерпѣваетъ плотское рабство, соединенное съ многими бѣдствіями, и часто принужденъ бываетъ оскорблять людей и Бога. Нѣтъ: не должно такъ малодушествовать“. „Итакъ, нужно со всѣхъ сторонъ осмотрѣть сердце свое и тщательно изслѣдовать, не тлѣетъ-ли въ немъ какая искра такого желанія... Но у меня желаніе это въ высшей степени и оно-то не менѣе всего другого и утѣшило меня и заставило бѣжать. Какъ любящіе тѣлесную красоту, близко обращаясь съ тѣмъ, что они любятъ, сильнѣе чувствуютъ мученіе страсти своей, а удаляясь отъ любимыхъ ими предметовъ, умиряютъ ея порывы, такъ и пристрастные къ этому сану, когда достигаютъ его, болѣе усиливаютъ страсть; а, удалившись отъ него вмѣстѣ съ надеждою полученія, погашаютъ и самое желаніе. Не маловажна и одна эта причина; одна она можетъ преградить путь къ достоинству, если и не было никакой другой“. Къ тому же Іоаннъ Златоустъ свидѣлствуетъ: „я слабъ и нерадивъ... далекъ я отъ совершенства“. „Посему, кто раздѣлилъ себя на такое множество народа и взялъ на себя столько различныхъ заботъ, сколько у него подчиненныхъ: тотъ можетъ ли истинно споспѣшествовать благу ихъ,

если не будетъ имѣть души крѣпкой и мужественной? Немоощь-же души моеи не общаетъ отъ служенія никакой пользы. Боюсь, что бы, принявъ отъ Христа правое и крѣпкое силами стадо, я по неопытности моеи не обезсилилъ его и не прогнѣвалъ Бога, Который до такой степени возлюбилъ его, что для выкупа его далъ цѣну—Себя. Поэтому въ избраніи на дѣло священства требуется строгое испытаніе, и тотъ, кто намѣренъ представить человѣка способнаго, прежде всѣхъ другихъ самъ долженъ удостовѣриться въ его способностяхъ. При такомъ испытаніи себя выказывается скромность и сознаніе долженствующей истины, отвергая всѣ плотскія помышленія души. Я знаю свою душу немоощную и слабую; знаю важность служенія и великую трудность обязанности. Душу священника обуреваютъ сильнѣйшія волны, нежели какія воздымаются отъ вѣтровъ на морѣ“. Почему святой отецъ справедливо замѣчаетъ: „мы сами чсрнимъ его (священство) всевозможнымъ образомъ, поручая его людямъ вовсе неопытнымъ, которые, не узнавъ прежде, какъ велики силы душъ ихъ и какъ трудна обязанность, охотно берутъ ее на себя, а когда приступать къ дѣлу, по неопытности своей, не видя сами пути, и ввѣренный ихъ руководству народъ подвергаютъ безчисленнымъ паденіямъ. Это-то самое неизбѣжно случилось бы со мною, еслибы Богъ, оберегая Свою церковь и щадя мою душу, не ускорилъ исхитить меня изъ такой опасности... Чтобы не случилось того же и теперь, Богъ благоволилъ оставить меня въ томъ званіи, въ которомъ я и родился,—столь незначительномъ, сколько незначительно званіе вогъ“. Иоаннъ Златоустъ, продолжая укорять себя, говоритъ „кромѣ сказаннаго, много есть и другого, что необходимо должно имѣть священнику, и чего я не имѣю. Прежде всего, чтобы душа его была свободна отъ всякой привязанности къ этому достоинству. Если кто будетъ привязанъ къ нему, тотъ по полученіи его, возгорается гораздо сильнѣйшимъ пламенемъ, и чтобы утвердить его за собою, движимый овладѣвшею имъ страстію,—рѣшаются на тысячу золъ, хотя бы то нужно было льстить или прибѣгать къ другому какому-нибудь рабскому и низкому поступку, или даже искать помощи въ большихъ издержкахъ денежныхъ. По моему мнѣнію, должно благоговѣть предъ этимъ саномъ, и, благоговѣя, удалиться отъ тяжести его“. И при такой подготовкѣ Иоаннъ Златоустъ равнодушно встрѣчаетъ міръ духовныхъ соблазновъ. Въ этой бурѣ страстей кандидату священства подлежитъ не мало искушеній, изъ которыхъ едвали не самое сильнѣйшее—огромная скала тщеславія, съ гнѣздящимися въ ней чудовищами и услажденіе своими дѣлами. Онъ холоденъ къ призывамъ занять съ молодыхъ лѣтъ

епископское служеніе, равнодушенъ къ похваламъ постольку, поскольку они касаются всецѣло его грѣховнаго „я“ и возбуждаютъ въ немъ тщеславіе. Средствомъ къ такому равнодушію Іоанна Златоуста къ міру послужило опять его самоукореніе. Съ искреннимъ желаніемъ совершенства Іоаннъ Златоустъ не только не улаживаетъ похвалою міра и не уязвляется хулами по поводу его, якобы, гордости, но чѣмъ болѣе похваляется людьми и своимъ другомъ, тѣмъ болѣе признаетъ себя грѣховнымъ и достойнымъ порицанія, почитая своего друга благоразумнѣе себя и по всему превосходнѣе. „Ты не трепещешь, говоритъ Іоаннъ Златоустъ своему другу, приближая мою душу къ столь священному таинству и облакая во священническое достоинство человѣка, одѣтаго въ нечистыя одежды человѣка, подобнаго тому, котораго Христосъ изгналъ изъ лика собесѣдниковъ (Матѣ. 22, 13). Мою душу по нечистой совѣсти окружаетъ такой мракъ, что она всегда остается во тмѣ и не можетъ никогда съ дерзновеніемъ воззрѣть на Господа Своего. И такимъ образомъ мою великую неопытность и безразсудность во всемъ можетъ ли кто легко перенести, кромѣ тебя, съ давняго времени любящаго меня выше всякой мѣры? Тщеславіе и теперь порабощаетъ меня... Понимаю, что нахожусь въ рабствѣ... И теперь нападаютъ на меня худыя пожеланія... Часто одно воспоминаніе о людяхъ несправедливыхъ и ихъ поступкахъ воспламеняетъ мое сердце... Душа моя слаба и скудна, легко побѣждается не только этими страстями, но и мучительнѣйшею изъ всѣхъ—завистью; пищею для этого звѣря являются хорошіе отзывы о ближнихъ. Вообще всѣ звѣри, когда выйдутъ на поприще, сильно бросаются на мою душу, чтобы терзать ее, и отразить ихъ отъ меня очень трудно“.

Вол. Еп. Вѣд.

І. Борисъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ОТЦѢ ІОАННѢ КРОНШТАДТСКОМЪ.

Почившій Кронштадтскій Батюшка, свѣтя всей Россіи своей жизнію и молитвеннымъ подвигомъ, въ то же время былъ путеводной звѣздой для множества людей, прибѣгавшихъ къ его совѣту и наставленію въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни. Особенно цѣнны были эти совѣты для людей, искавшихъ пути къ благочестію, стоявшихъ на распутьи дорогъ, искавшихъ разумной цѣли въ жизни. Таковыя стекались къ нему толпами со всѣхъ концовъ Россіи. Въ числѣ ихъ и мнѣ пришлось побывать у Отца Іоанна. Замѣчательно, что на него мнѣ указалъ не русскій человѣкъ и не природный православный, а иностранецъ, по національности халдей, персидскій подданный, бывшій несторіанецъ, по убѣжденію принявшій православіе. Въ нашъ городъ, на югѣ Россіи, онъ прибылъ три года назалъ отъ описываемаго нами времени, научился довольно правильно говорить по-русски, а читать могъ бѣгло и толково. Онъ обладалъ даромъ слова, умѣлъ просто и сильно выражать мысли и завлекать слушателя прямымъ обращеніемъ къ его совѣсти. Въ 1895 году, когда я съ нимъ познакомился въ церкви, онъ обладалъ такой начитанностью въ сочиненіяхъ святыхъ, что не встрѣчалъ никакихъ затрудненій въ рѣшеніи вопросовъ ни догматическихъ, ни нравственныхъ. Бывало часто можно было его видѣть на паперти церкви, особенно во дни говѣнья, въ постъ, окруженнаго слушающими, ожидающими начала богослуженія. По складу мыслей онъ былъ аскетъ (и наружность его напоминала египетскаго монаха), а главная его проповѣдь была о смерти. О чемъ бы ни говорилъ онъ, но всегда и во всемъ у него красной нитью проходила мысль: берегите время! Ссылаясь на аскетическихъ писателей, онъ сбереженіе жизни видѣлъ, главнымъ образомъ, въ выборѣ дѣятельности, наиболѣе соответствующей задачамъ воспитанія души христіанина. Отъ него же я впервые получилъ сочиненіе о. Іоанна „Моя жизнь во Христѣ“, изъ которой онъ любилъ прочитывать небольшіе отрывки при началѣ бесѣды.

Кончая обязательный срокъ службы по министерству Народнаго Просвѣщенія и получивъ командировку въ Нижній по дѣлу устройства на выставкѣ небольшой частички 19-го, Педагогическаго отдѣла выставки, я, лѣтомъ въ томъ же году, вознамѣрился побывать въ Кронштадтѣ. Полтора мѣсячный хлопотливый трудъ на выставкѣ ни сколько не разсѣялъ меня и духовной жажды не утолил. Наканунѣ дня

открытія, наскоро обѣжавъ все отдѣлы выставки и въ „чудесахъ техники“ не найдя ничего изумительнаго, кромѣ чудовищныхъ цѣнъ, я посидѣлъ оставить Нижній. За время студентчества въ Петербургѣ у меня было сдѣлано немало знакомствъ, профессиональныхъ, служебныхъ, товарищескихъ и другихъ, но не хотѣлось видѣться ни съ кѣмъ, не хотѣлось говорить о себѣ, о своей жизни: когда она была такъ неопредѣленна. Хотѣлось скорѣе найти разрѣшеніе моихъ вопросовъ тамъ, въ Кронштадтѣ.

На Кронштадтскую набережную я пріѣхалъ за полчаса до отхода срочнаго рейса, но на пристани не было замѣтно особаго движенія. Даже было какъ-то безлюдно, уныло. На мосткахъ конторки я столкнулся съ молодымъ парнемъ, несшимъ на плечѣ ведро съ бѣлой масляной краской, надѣтое на большую маховую кисть. Это былъ красильщикъ. Онъ беззаботно озирался по сторонамъ и, увидавъ меня и прочтя на моемъ лицѣ вопросительный знакъ, небрежно пробормоталъ: „Батюшки нѣтъ въ Кронштадтѣ.“ Я посидѣлъ къ кассѣ, взялъ билетъ, взшелъ на палубу парохода и прошелъ къ носовой части, гдѣ на лавочкахъ видѣлась жиденькая группа пассажировъ. Среди нихъ также шла рѣчь о томъ, что о. Іоанна нѣтъ въ Кронштадтѣ, а гдѣ онъ — никто не зналъ. Часто вѣдь, онъ выѣзжалъ въ то время. Но, думаю я, если сегодня нѣтъ его, то можно обождать... если же не удастся видѣть самого, то хотя увижу мѣсто, гдѣ обитаетъ этотъ праведникъ. Такъ, можетъ быть, думали и все другіе пассажиры. Впрочемъ, это были жители самаго Кронштадта и ѣхали не къ Батюшкѣ, а къ себѣ домой. Предъ самымъ отходомъ парохода, къ пристани подошли двѣ крестьянки съ котомками за плечами. Спривъ что-то, онѣ прошли дальше вдоль набережной. Одна изъ нихъ махнула клюкой на насъ и проговорила подругѣ: „зачѣмъ ѣдутъ, вѣдь Батюшки нѣтъ въ Кронштадтѣ“. Ту же фразу мнѣ пришлось въ этотъ день выслушать еще нѣсколько разъ, по пріѣздѣ въ Кронштадтъ, отъ всехъ, кого я просилъ указать мнѣ домъ Отца Іоанна. Получалось такое впечатлѣніе, что въ Кронштадтѣ ничего другого нѣтъ, кромѣ о. Іоанна, и что разъ его нѣтъ дома, то нѣтъ ничего: ни города, ни крѣпости.

Двухъэтажное кирпичное зданіе, внушительной величины, съ фасадомъ простой архитектуры и съ выставленнымъ на немъ образомъ Спасителя на золоченомъ фонѣ чеканной работы, не трудно было найти въ ряду другихъ зданій. Съ параднаго хода нижняго этажа можно было прямо попасть въ большую свѣтлую залу, гдѣ на передней стѣнѣ висѣлъ большой образъ и теплилась лампада. Зданіе было довольно новое и содержалось въ чистотѣ, но, по сильно выби-

тымъ поламъ, можно было заключить, что въ залѣ бываютъ многочисленные и частыя собранія. Теперь она была пуста, если не считать двухъ мушинъ, осматривавшихъ, что-то въ углу и говорившихъ въ полголоса. Они были тоже пріѣзжіе и обратились ко мнѣ съ вопросомъ, откуда я. Я сказалъ, что изъ Новочеркасска, чѣмъ заставилъ одного изъ нихъ съ сожалѣніемъ посмотреть на меня и сказать, что въ этотъ разъ Батюшки мы не увидимъ, потому что онъ выѣхалъ на родину, въ Архангельскую губернію и неизвѣстно, когда вернется. Я примкнулъ къ этимъ двумъ незнакомцамъ, изъ которыхъ одинъ коренастый, съ широкой сѣдой бородой напоминалъ мнѣ типъ главнаго мастера большой фабрики. Въ Кронштадтѣ онъ бывалъ уже не разъ, зналъ всѣ здѣшніе обычаи и охотно рассказывалъ о всемъ своему товарищу. Вниманіе ихъ и мое было привлечено гимнастическими принадлежностями и приборами, установленными вдоль стѣны и, отчасти, по фасаду. Здѣсь были лѣстницы, трапеціи, качели, столбы съ перекидными параллелями и проч., довольно полный ассортиментъ.

Можно было подумать, что здѣсь школа, но оказалось несовсѣмъ-то такъ. Бывалый незнакомецъ рассказалъ, что гимнастическими приборами пользуются здѣсь и взрослые. „Не всѣ-то душой болѣютъ, многіе и тѣломъ;“ говорилъ онъ; „такъ, вотъ, Батюшка знаетъ, кому что нужно. Иного заставитъ по лѣсенкѣ подняться, руками и ногами помотать. У тебя, скажетъ онъ ему, не столько душа больна, сколько тѣло, а все отъ того, отъ сидячей твоей жизни, а ты, вотъ, поразомнись немного, попотѣй, такъ, увидишь, куда и грусть-тоска дѣнется. А, вѣдь, правда это. Мудрость тутъ есть большая“, заключилъ собесѣдникъ. По окончаніи этого осмотра, мы помолились всѣ предъ образомъ, мысленно призывая на себя благословеніе Батюшки и вышли изъ дому. Проходя мимо Андреевскаго собора, мы помолились, соборъ былъ запертъ. Отдѣлившись отъ своихъ спутниковъ, я поспѣшилъ къ пристани, чтобы на томъ же пароходѣ возвратиться въ Петербургъ. Когда пароходъ отчалилъ отъ берега, глаза невольно озирались назадъ, какъ будто что-то дорогое оставлялось тамъ. Не суждено было получить благословеніе Батюшки, рассказать ему свои предположенія и намѣренія и услышать отъ него обычное: „одобряю“. Казалось надо бы грустить, но на сердцѣ было такъ легко, такъ покойно. Мелкая рябь воды у берега такъ оживленно волновалась. Солнце, близкое къ закату, золотило мачты судовъ и крыши высокихъ зданій, весело играя лучами на оконныхъ стеклахъ. Чѣмъ, болѣе отдаляешься отъ острова, тѣмъ онъ дѣлается доступнѣе взору, охватывающему его весь, съ окрестными бастионами укрѣпленій;

пока, при значительномъ отдаленіи, все это не потонетъ въ спокойномъ морѣ и лишь розоватое облако надъ горизонтомъ означитъ мѣсто, гдѣ остался Кронштадтъ.

На другой день, съ разсвѣтомъ я уже подымался вверхъ по Невѣ на плоскодоной баржѣ, буксируемой рѣчнымъ пароходомъ. Вмѣстѣ съ другими богомольцами я ѣхалъ на Ладожское озеро, на островъ Валаамъ. Тамъ я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ, ознакомился съ трудовой жизнью общежительнаго монастыря и окончательно укрѣпился въ мысли принять монашество.

Прошло шесть лѣтъ. Я очутился уже въ Китаѣ, вмѣстѣ съ другими европейцами подвергся гоненію отъ язычниковъ, потомъ оставался одинъ въ разоренномъ пепелищѣ миссіи, и въ это время получилась радостная вѣсть, что отецъ Іоаннъ пожертвовалъ на возстановленіе миссіи сто рублей. Въ этомъ важно было благословеніе его, если не мнѣ лично, такъ учрежденію, въ которомъ я служилъ, а это казалось еще важнѣе. Въ то же время и не безъ связи съ этимъ, прислана была обильная жертва отъ москвичей для поддержанія семействъ православныхъ христіанъ въ Пекинѣ. Первое извѣстіе о семъ проникло въ китайскія газеты изъ лондонской Times, и, помню, выборные изъ христіанъ приходили привѣтствовать меня съ радостью, указывая на то, что есть такой Священникъ на свѣтѣ, котораго милостыня достигла и ихъ столицы.

В. Ч.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Дневникъ, веденный въ Пекинѣ съ 1-го декабря 1830-го года.

31-е декабря 1830 года—среда. Въ 7 часовъ, поутру 6° холода, но тихо; въ 8 ч. пошелъ мокрый, хлопьями, снѣгъ, оный продолжался до 10, но въ то же время и таялъ, къ 11 часамъ погода разгулялась; въ полдень было 3° холода, а въ 2—5° тепла на солнцѣ; остатокъ дня былъ прекраснѣйшій; въ 10 ч. вечера—до 5° холода. Послѣ обѣда сего числа я былъ у І. П.,—вскорѣ туда пришелъ одинъ молодой человекъ весьма пріятной наружности, изъ придворныхъ, братъ его, пациентъ І. П., имѣетъ мѣдный на шапкѣ

шарикъ и страждетъ отъ паралича. I. П. предложилъ П. Е. взять его на руки и попробовать новыми средствами, привезенными изъ Россіи. Нѣсколько спустя явился туда же привратный бошка, старичекъ лѣтъ 70-ти, съ красными бумажными листками, изъ коихъ одинъ онъ и вручилъ I. П. Сей послѣдній объяснилъ намъ, что у старика внукъ женится и потому онъ проситъ у знакомыхъ на свадьбу вспомошествованія. Здѣсь это въ обыкновеніи, можно сказать, всеобщемъ и называется *фынза*. Богатые и чиновные дарятся въ подобныхъ случаяхъ значительными вещами и суммами, а бѣдные даже свыше своего состоянія, отчего и входятъ въ большіе долги, если же нечего дать, то закладываютъ вещи, или продаютъ свое жалованье и. т. под. вспомошествованіе сіе ни сколько не служитъ въ пользу новобрачныхъ, ибо все датели являются къ нему на пиръ и сѣдаютъ приготовленное на ихъ же деньги угощеніе. Однако же здѣсь довольно горды, чтобы просить помощи у незнакомаго, и въ этомъ случаѣ деликатнѣе, чѣмъ наши земляки, иногда входящіе нагло въ домъ и выпрашивающіе у добродушныхъ деньги подъ разными выдуманнми предлогами. Вечеромъ заѣхалъ къ Іосифу Михайловичу племянникъ хутухты (Хуанъ-сы). Въ 10 час. пришли ко мнѣ все г. студенты новой миссіи и іеродіаконъ Поликарпъ съ А. А. встрѣчаютъ новый годъ и, совсѣмъ неожиданно, сконфузили меня прекраснымъ подаркомъ—именно, одѣяломъ атласнымъ, съ простынею и наволочкою на подушки, отличнымъ образомъ вышитыя цвѣтами. Живость красокъ и искусная работа—плѣнительны.—Гости у меня закусили и выпили, провозжая старый и встрѣчая новый годъ, по рюмкѣ наливки и ликера, оставшагося малѣ отъ дороги и, въ заключеніе, по чашкѣ чаю. О. А. и проч. все уже спали.

1 января новаго 1831 года—четвергъ. Для новаго года въ 7 часовъ утра 8° холода, впрочемъ, ясно и тихо. Къ полудню гораздо разогрѣло.—Въ 6 час. вечера термометръ показывалъ 2° холода.—Погода во весь день стояла прелестнѣйшая. Господа студенты старой и новой миссіи поутру почти все, помня русскій обычай, были у меня до обѣдни съ поздравленіемъ и пожеланіемъ наступившій годъ провести въ возможномъ удовольствіи и проч. Въ половинѣ девятаго часа началась обѣдня,—литургію совершалъ Архимандритъ Петръ соборомъ съ Іеромонахами Даніиломъ и Феофилактомъ.—При священнослуженіи, кромѣ всехъ насъ, присутствовали нѣсколько албазинцевъ, изъ оныхъ замѣчательнѣйшій и рекомендуемый нашими миссіонерами есть Варнава, онъ былъ съ двумя малолѣтними своими сыновьями и дочкою. Дѣти довольно пріят-

ной наружности. А. Веніаминъ съ Аввакумомъ и преч. Сосницкимъ и Розовымъ, отправляли службу въ Успенской обители. Казаки и офицеры находились въ церкви въ полной формѣ. По окончаніи службы всѣ г. студенты зашли ко мнѣ на чай.—О. Архимандритъ съ Іеромонахами, разоблачившись, также пожаловали ко мнѣ съ привѣтствіемъ, относящимся къ новому году. Я угощаль почтенныхъ гостей чаемъ и остатками ликера. Всѣ мы приглашены были къ обѣденному столу въ покои Отца Архимандрита.—А. И., принявшій на себя трудъ по экономической части, много сегодня хлопоталь, чтобы наставить китайскихъ поваровъ къ изготовленію намъ обѣда въ нашемъ національномъ вкусѣ. И отъ того, противъ обыкновенія здѣсь принятаго, мы пошли за столъ въ часъ, а не въ одинадцать съ половиною, какъ въ будніе дни.—Передъ нашимъ обѣдомъ пріѣхали изъ Успенской церкви и Отцы В. и Ав. съ Сосницкимъ и Розовымъ. Отъ нихъ мы узнали, что и въ Успенской обители было довольно молящихся обоого пола, тѣ и другіе послѣ службы заходили съ поздравленіемъ къ Настоятелю и О. Ав. въ настоятельскіе покои. *Варнава* съ семействомъ своимъ, когда мы собрались къ О. Архимандриту, пришелъ туда же, заставилъ дѣтей, по китайскому обычаю, сдѣлать предъ отцами и мною колѣнопреклоненіе. Онъ съ дѣтьми былъ угощенъ О. Архимандритомъ, въ его спальнѣ, китайскимъ обѣдомъ. По окончаніи стола насъ просили въ гостинную, гдѣ были поданы свѣжіе плоды. За обѣдомъ еще О. Ав. на вопросъ отчего онъ отсталъ отъ О. В., пріѣхавшаго ранѣе его на четверть часа, объяснилъ, что извощикъ его не могъ обогнать многія телѣги, тянувшіяся по тому же направленію съ связками чехъ. О. В. сообщилъ къ сему случаю, что каждое 1-е число раздается ежемѣсячное жалованье нижнимъ чинамъ здѣшнихъ войскъ, и потому наканунѣ чехи свозятъ въ присутственныя мѣста. По положенію рядовой пѣхотинецъ получаетъ 3 ланы серебра въ мѣсяць,—двѣ серебромъ и на одну ему должны выдаваться чехи (въ казнѣ лана полагается въ 1010 чеховъ, въ торговомъ же отношеніи курсъ серебра выше, въ наше пребываніе возвышался и упалъ отъ 1360, до 1130, бываетъ и гораздо менѣе) т. е. по курсу 1000 монетъ, но такъ какъ посуществующимъ злоупотребленіямъ каждая монета стоитъ въ казнѣ 6 монетъ (О. В. сылался на многихъ достойныхъ людей, отъ коихъ онъ о семъ не одинъ разъ имѣлъ случай слышать) того же достоинства, то при выдачѣ жалованья солдатамъ, имъ и не даютъ чехъ но, съ нѣкоторой прибавкой, вмѣсто оныхъ раздаютъ билеты на частныя банки, чехи же, возами привезенные, изъ частныхъ же банковъ къ сему случаю заняты,

остаются только для вида, и, по окончаніи раздачи, опять обращаются къ прежнимъ хозяевамъ; впрочемъ я несовсѣмъ еще понимаю эту операцію и со временемъ подробнѣе намѣренъ узнать и объяснить оную. Впослѣдствіи О. В. разсказалъ бывшее у него дѣло по училищу манчжурско-россійскому, — къ сему поводомъ служилъ вызовъ О. Арх. Петра, который, разговорившись съ Алек. Ив. о нашихъ горныхъ промыслахъ, припомнилъ, что при Цянь-лунѣ, — наши постепенно зашли слишкомъ далеко въ Алтайскія горы, такъ что поотодвинули, будто бы, рубежъ; сдѣланы были пріиски рудъ, и оказались въ тѣхъ мѣстахъ значительныя богатства серебра. Китайское правительство, увѣдомившись о семъ, смутилось, министры взошли съ докладомъ къ Цянь-луню, — какъ онъ прикажетъ въ семъ случаѣ поступить. Императоръ спросилъ: „Мѣста, занятія нынѣ русскими, входятъ ли въ черту нашихъ владѣній?“ ему, будто бы, отвѣчали, что нѣтъ. „Такъ нѣтъ основанія и вмѣшиваться въ сіе дѣло.“ Но, не смотря на таковой оборотъ, наше правительство, изъ опасенія, чтобы дружественныя связи не пресѣклись съ Китаемъ, повелѣло оставить занятія уже было мѣста и тѣмъ дѣло и кончилось. Я невольно замѣтилъ, познакомившись ближе съ Китаемъ, что наши излишнія уступчивость и осторожность, еще болѣе усиливаетъ гордость Китая и нестерпимое его высокомѣріе, изъ частныхъ же случаевъ виденъ характеръ цѣлаго народа. Если въ требованіяхъ своихъ (разумѣется — справедливыхъ) не уступаешь и стоишь непреклонно и твердо, то китаецъ убѣждается и смиряется. Такъ, почти, и въ отношеніяхъ государственныхъ. Здѣшнее правительство не можетъ никакъ постигать великодушнаго снисхожденія миролюбивой системы нашего кабинета, ему кажется уступчивость слабостію чувствуемою противостать великой Китайской Державѣ, трусостью и проч., недостойными имени русскаго, качествами. Въ подтвержденіе мнѣнія моего О. Архимандритъ замѣтилъ, что бумага, посланная отъ лица сената къ здѣшнему трибуналу въ разсужденіи маленькаго поселенія, сдѣланнаго было нашими въ землѣ холаковъ и за что претендовало китайское правительство, была совершенно изложена въ духѣ, каковой надобно всегда выдерживать противъ китайскаго высокомѣрія и имѣла полный успѣхъ. Китайцы прикусилъ языкъ и не возражали. При семъ-то случаѣ и О. В., къ большому убѣжденію, сообщилъ частное свое дѣло. Именно, что годъ цѣлый, съ поступленія своего въ манчжурско-россійское училище, онъ принужденъ былъ необходимостію сносить терпѣливо замѣчаемое имъ неуваженіе отъ обучающихся, или, лучше сказать, числящихся; не говоря уже о совершенномъ невниманіи ихъ къ пред-

мету преподаваемому, знаніе коего доставляетъ имъ степени и мѣста; наконецъ, вышедъ изъ терпѣнія, онъ рѣшился воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы или исправить, или вовсе отстать отъ сего заведенія. Случая не надобно было долго ожидать: не далѣе какъ въ слѣдующій разъ, въ присутствіи О. В., тогда, какъ онъ занимался съ однимъ чтеніемъ, прочіе начинаютъ шумѣть, нѣкоторые курятъ трубки, другіе пьютъ чай, разговаривая между собою, особенно же дерзко себя показывающіе двое, изъ богатой фамиліи, въ то время лежали на кану съ трубками и разговаривая довольно громко, часто упоминали о женщинахъ, что и между китайцами почитается совершеннымъ неприличіемъ и дерзкою наглостію. О. В., вслушавшись въ сіи разговоры, побуждаемый справедливымъ негодованіемъ, принимаетъ тонъ, какой соотвѣтствуетъ, по-нашему, учителю и твердо спрашиваетъ сихъ господъ, называя ихъ по именамъ, безъ прибавленія слова господинъ, для чего они посѣщаютъ училище, съ какою цѣлью и гдѣ ихъ книги, по коимъ они должны заниматься. Таковой необыкновенный вызовъ крайне оскорбилъ сихъ гордыхъ молодыхъ повѣсь. Отвѣчая, что книги у нихъ дома, они побѣждали къ учителямъ маньчжурамъ, живущимъ въ сосѣднихъ покояхъ, съ выговорами, въ предположеніи, что О. В. наученъ ими къ такимъ вызовамъ.—Учителя вышли и, не смѣя явно принять ни той, ни другой стороны, старались успокоить О. В., дѣлая легкое замѣчаніе ученикамъ. О. В. при семъ случаѣ объяснилъ имъ, что такъ какъ онъ утвержденъ въ здѣшнемъ заведеніи учителемъ по докладу Богдохану и не имѣетъ свободнаго времени или, лучше сказать, слишкомъ дорожитъ временемъ, чтобы терять оное по пустому и терпѣть разные, выходящіе изъ мѣры, безпорядки,—а по сему и намѣренъ объясниться съ директорами и постановить, что—либо твердое, клонящееся къ порядку и цѣли правительства, для чего просить, дабы учителя спросили бы г. г. директоровъ пожаловать на слѣдующій день въ училище. Но, не смотря на это, О. В. нашелъ одного только старика директора, который началъ проповѣдывать ему слѣдующимъ образомъ: Видалъ ли онъ носилки чиновниковъ, великолѣпные экипажи съ вершниками и тому подоб. Это Царскія милости, а безъ нихъ люди, въ нихъ сидящіе, были бы нищіе; точно такимъ же образомъ и ученики, по царской милости въ училище помѣщенные, не для того здѣсь находятся, чтобы учиться, но чтобы чрезъ оное получить степени и мѣста; а потому О. В. и долженъ—если бы все комплекныя собирались, всехъ учить—если хотятъ учиться ѥ человекъ, такъ пятерыхъ, одинъ, такъ одного; потомъ прибавилъ, что здѣсь много училищъ, но не въ одномъ

не учатся. Выслушавъ такую вздорную и безстыдную мораль, О. В. сказалъ свое мнѣнiе, что на сихъ основанiяхъ онъ не можетъ занимать возложенную на него должность, ибо слишкомъ дорожить временемъ, чтобы ѣздить 3 раза въ недѣлю въ училище безъ всякихъ занятiй, но такъ какъ время склонялось уже къ экзаменамъ бывающимъ въ семъ заведенiи черезъ каждыя пять лѣтъ, директоръ обезпокоиваясь снмъ, а болѣе опасаясь, чтобы по ихъ невѣжеству въ русскомъ языкѣ не оказались обманы наружу, въ случаѣ если бы попадобились переводы приходящихъ изъ отечества нашего въ трибуналь бумагъ и наши отказались бы дѣлать за нихъ оныя.— Директора начали засылать къ О. В., дабы какъ-нибудь его склонить опять посѣщать училище, что было онъ и началъ дѣлать, но не примѣтивъ никакой перемѣны въ внутреннемъ устройствѣ онаго, впослѣдствiи оставилъ. Однако же предпринялъ сдѣлать рѣшительное по сему дѣлу объясненiе, дабы не вышло неприятности чрезъ то съ трибуналомъ, съ самимъ министромъ Сунъ Джунтаномъ, коего меньшiй братъ находился въ семъ училищѣ первымъ директоромъ. Министра не было дома, или онъ не сказался дома, только О. В. предлагали или подождать, или же ѣхать во дворецъ и отыскать тамъ сего вельможу. Послѣ продолжительнаго ожиданiя, дворецкiй, видя, что О. В. твердо рѣшилъ видѣться съ министромъ, предложилъ ему объяснить дѣло чрезъ него, увѣряя, что все до слова будетъ доложено министру. Такимъ образомъ, О. В. и рѣшился все пересказать сему довѣренному человѣку и просить на оное рѣшенiя министра. Впослѣдствiи было узнано, что Сунъ Джунтанъ на другой же день призывалъ къ себѣ директоровъ, сдѣлалъ имъ строжайшiй выговоръ и приказалъ, сообщая съ От. В., утвердить на будущее время положительное и основательное постановленiе на счетъ занятiй и поведенiя учениковъ. Велѣдствiе чего директора и пригласили О. В. на совѣщанiе и съ тѣхъ поръ заведенъ былъ возможный порядокъ и примѣтные, хотя и слабые, успѣхи нѣкоторыхъ изъ учащихся.

2-е января 1831 года—пятница. Въ 7 часовъ утра около 6° холода. Къ полудню нѣсколько градусовъ тепла, а въ 3 часа полудни на солнцѣ 10° тепла. Въ 10 час. вечера 2° холода. День весь былъ наипрелестнѣйшiй.

Вчера Юсифъ Мих. сказывалъ, что Епископъ обѣщался прислать за нимъ экипажъ въ субботу. Вѣроятно старикъ у единовѣрца своего желаетъ кой-что узнать о нашемъ отечествѣ, да и мы постараемся воспользоваться его любопытствомъ, чтобы взаимно вывѣдать кой какiя свѣдѣнiя, относящiяся къ европейцамъ въ Китаѣ

и проч. Предполагая, при изданіи въ свѣтъ журнала „Путешествіе Миссіи до Пекина и обратно“ помѣтитъ въ видѣ предисловія извѣстія о началѣ торговыхъ и государственныхъ сношеній Россіи съ Китаемъ, о причинахъ пребыванія въ Пекинѣ російской миссіи и пользѣ, получаемой отъ оной въ теченіи всего времени до настоящаго года, я старался узнать—откуда таковыя свѣдѣнія можно почерпнуть. О. Архимандритъ Петръ указалъ мнѣ на кнѣжку Бантышъ-Каменскаго, бывшаго управляющимъ Московскимъ архивомъ и Миллера, также находившагося въ сей должности; собранныя ими извѣстія не напечатаны и содержатъ весьма много любопытнаго. Разбирая сочиненіе Егора Федоровича Тимковскаго, я нашелъ на 2-й страницѣ, въ примѣчаніи его, указывающемъ и мнѣ источники къ исполненію вышесказаннаго, гдѣ сказано, что въ журналѣ „Сибирскій Вѣстникъ“ 1822 года, кн. 4, 5, 6, 7, помѣщена весьма любопытная, основательно изложенная статья: „О началѣ торговыхъ и государственныхъ сношеній Россіи съ Китаемъ, по заведеніи въ Пекинѣ Россійской церкви и Духовной Миссіи“. По выѣздѣ въ Россію постараюсь воспользоваться сими свѣдѣніями. При окончаніи сего разговора пришелъ къ О. П. китаецъ по имени *Тянъ*, католическій христіанинъ, отпращившій діаконскую должность въ разоренной европейской обители, вмѣстѣ съ Гау—сера ихъ выѣхало въ Макао изъ Пекина 5 человекъ, но спустя годъ они возвратились, неизвѣстно по какой причинѣ. О. А. весьма его рекомендовалъ съ хорошей стороны. Спустя нѣсколько времени приходили христіанскіе наемные служители здѣшняго монастыря, находящіеся въ услуженіи у членовъ миссіи, съ поздравленіемъ насъ съ новымъ годомъ и благодареніемъ за угощеніе, по распоряженію Архимандрита, кланяясь въ ноги; послѣ сего я удалился къ себѣ. Поутру заходилъ ко мнѣ З. Ф. и пояснилъ, нѣкоторымъ образомъ, относительно операціи чехъ при выдачѣ жалованья солдатамъ китайскаго войска т. е., что чиновники монетнаго двора, получая на приготовленіе монеты значительныя суммы серебромъ, по конмъ каждая монета обходится въ шестеро дороже настоящей своей цѣнности, не дѣлаютъ огромнаго количества монетъ, требующихся для обращенія, по только незначительную часть и потому всѣ суммы, ассигнованныя на изготовленіе монеты, поступаютъ въ ихъ руки. При выдачѣ же жалованья, они, для вида, заимствуютъ чехи изъ частныхъ банковъ, удовлетворяя солдатъ только малою частію наличныхъ чеховъ, на остальную же, большую часть, выдаютъ имъ на частные банки билеты, платя за оныя въ банки серебромъ изъ суммъ, отпускаемыхъ на изготовленіе мѣдной монеты. З. Ф. прибавилъ также, что солдату

въ мѣсяцъ выдается серебромъ только 1 лапа и 9 чинъ, остальное же должно выдаваться мѣдною монетою, но не сполна, ибо положено изъ каждаго мѣднаго оклада часть удерживать. Каковыя части за цѣлый годъ въ видѣ вспомошествованія выдаются солдатамъ сразу—предъ ихъ новымъ годомъ. З. Ф. пояснилъ мнѣ также отчего здѣшнее правительство, имѣя богатые золотые, серебрянные и другіе рудники, вовсе не разрабатываетъ оныхъ и довольствуется старымъ серебромъ. Это объясняется двояко: или потому, что стараго добытаго ими серебра слишкомъ много, а потому китайское правительство не хочетъ безъ нужды трогать сокровищъ, сокрытыхъ въ нѣдрахъ земли. Положеніе сіе кажется основательнымъ, но не менѣе того можетъ быть принято и то въ разсужденіе, что по извѣстнымъ самому императору во всѣхъ частяхъ управленія существующимъ злоупотребленіямъ, китайское правительство, соображая расходы, употребляемые на мѣдную монету, опасается значительнѣйшихъ при разработкѣ рудъ грабительствъ чиновниковъ и проч. Даже открытіе мѣсть, гдѣ есть драгоцѣнные металлы, почитается здѣсь преступленіемъ. Въ недавнее время, т. е. не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ вельможъ, бывшій пекинскимъ полицеймейстеромъ, по фамиліи Ин-хэ, лишенъ чиновъ и сосланъ въ ссылку за то, что сдѣлалъ докладъ государю о пользѣ разрабатыванія рудъ въ западныхъ горахъ, находящихся въ окрестности Пекина. Для обвиненія его подвели разные безразсудные пункты, а между прочими, самымъ главнымъ то, что мѣсто, гдѣ предлагалъ министръ разрабатывать руды, находится близъ царскихъ кладбищъ, а потому и поставили ему въ вину, что будто бы онъ имѣетъ въ виду подрить прахъ императорскихъ предковъ, а тѣмъ какъ бы намѣкаетъ о сверженіи настоящей династіи и т. под. глупости. Кромѣ сего въ нынѣшнихъ новыхъ императорскихъ кладбищахъ оказался родникъ, наполнвшій водою склепъ, въ коемъ поставлено было тѣло покойнаго императора. Вина!... большая!.. Далѣе мы коснулись англійской торговли. З. Ф. подтвердилъ прежде мною слышанное и уже упомянутое въ семь журналѣ, что нынѣ главная, важнѣйшая польза англичанъ состоитъ въ двухъ предметахъ, а именно: въ вывозѣ китайскаго серебра въ значительнѣйшемъ количествѣ и ввозъ опиума, повсемѣстно на югѣ употребляемаго. Англичане привозятъ, кромѣ того, разныя бездѣлушки, галантерейныя вещи, часы и проч.. но самой низкой доброты и продаютъ китайцамъ на наличное серебро; за ихъ же предметы платятъ своею серебрянною монетою, съ значительной примѣсью лигатуры и даже фальшивою зазнаемо китайцами, такъ что въ 1000 есть до 20 поддѣльныхъ.

Англичане умѣли такой ходъ дать своей монетѣ, что, кромѣ четырехъ губерній, какъ то: Чжили, Шань-си, Шень-си и Шань-дунъ и отчасти Сы-чуанъ и Хенань, во всѣхъ прочихъ она только и употребляется и даже до того, что въ Китаѣ ни серебро, ни золото совсѣмъ не имѣетъ ходу и чиновники, отправляемые отъ губерній на службу, принуждены жалованье свое обмѣнивать на англійскія монеты, сіе самое подтвердилъ мнѣ и Буржуа, заходившій ко мнѣ сегодня послѣ обѣда. Строжайшее же запрещеніе по искорененію опиума, который по вкоренившейся привычкѣ сдѣлался необходимымъ для китайцевъ, и коего много разведено въ приморскихъ и сосѣднихъ онымъ провинціяхъ, служигъ также къ увеличенію прибыли англичанъ, ибо они станутъ привозить онаго еще болѣе. Послѣ З. Ф. От. Арх. принесъ мнѣ, изъ любопытства, письмо, писанное къ нему въ 1826 году П. Буржуа на рус. языкѣ. Оно довольно занимательно и потому я прилагаю при семъ въ подлинникѣ. Послѣ обѣда посѣтилъ меня сочинитель онаго, но, пока я отдыхалъ, Христофоръ занялъ его разсказами объ турецкой войнѣ и друг., весьма неглуно переданными. Буржуа пробылъ у меня болѣе часу и мы провели время въ откровенныхъ разговорахъ. Онъ сказывалъ, что исторія у нихъ пишется палатою секретнымъ образомъ т. е. каждое замѣчательное дѣяніе, происшествіе, узаконеніе и т. под., записывается съ историческими и философскими замѣчаніями членовъ палаты и кладется въ особый ящикъ, хранящійся за печатями въ особой комнатѣ палаты, тайно отъ другихъ. Ящикъ сей раскрывается не прежде, какъ по пресѣченіи династіи и тогда выпимаютъ изъ онаго скопившіеся въ царствованіе предшествовавшей династіи историческіе документы и оныя обнародываются. Буржуа мнѣ замѣтилъ, что наши европейскія исторіи пишутся весьма деликатно, въ нихъ не разительно изображается о дурныхъ правителяхъ, у нихъ же, напротивъ, слишкомъ рѣзко и худое и хорошее, ибо подвиги и дѣянія пишутся современниками безъ опасенія, чтобы преждевременно могли открыться хранилище бытописаній и сочинитель оныхъ. Разговаривая о нашихъ законахъ и постановленіяхъ и сравнивая оныя съ здѣшними, умный китаецъ охотно признавалъ свои, во многихъ случаяхъ, худшими. Относительно народонаселенія Б. отозвался мнѣ такимъ образомъ, что въ царств. Куанси дѣлано было исчисленіе муж. пола, не включая дѣтей и отроковъ до 10 лѣт. возраста и оказалось 138 милліоновъ жителей, женщины же въ ревизію не постунаютъ; послѣ же сего времени онъ не знаетъ-было ли народосчисленіе. Мы коснулись также и здѣшнихъ воровъ. Буржуа подтвердилъ слышанное мною, что по-

лиція должна быть въ тѣсномъ сношеніи съ мошенниками, ибо были многіе извѣстные ему примѣры, что украденныя вещи, чрезъ знакомыхъ полицейскихъ служителей, находились по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, даже и такимъ образомъ, что хозяину приносили, вмѣсто украденной у него вещи, билетъ въ частную закладную лавку на полученіе его вещи со взносомъ закладной суммы. Въ случаѣ, если вора поймутъ съ украденной вещью въ минуту воровства, тогда только имѣютъ право отдать его въ полицію и онъ получаетъ наказаніе или откупается, въ противномъ же случаѣ никто не рѣшится помѣшать вору въ его промыслѣ надъ собственностью другого, опасаясь мщенія его на себѣ, ибо партія, или сословіе ихъ огромнѣйшее и богатѣйшее, а слѣдовательно и сильнѣйшее. Послѣ обѣда Г. П. А. П. Е. и Антонъ Михайловичъ, по приглашенію, были у Фое (Хуанъ-сы) въ подворьѣ, находящемся въ городѣ. А. М. сдѣлалъ портретъ съ Фое. Ихъ угощали китайскимъ ужиномъ. П. Е. взялъ себѣ здѣсь въ паціенты одного обреченнаго на смерть ламу съ прогнившею грудью. Племянникъ Фое, Ханъ-у-э, имя котораго я узналъ только сегодня, много любезничалъ со своими гостями. Онъ писалъ вчера къ Е. П. довольно забавное письмо.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Продолжается подписка на журналъ
„КИТАЙСКІЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ“. Цѣна за
годъ (24 выпуска) 3 рубля. Допускается
разрочка по полугодіямъ.

БРАКЪ У КИТАЙЦЕВЪ

(Продолженіе; см. вып. 2. Кит. Бл. за 1909 годъ).

4). Заблаговременно заготавливаютъ небольшую фарфоровую вазочку, въ которую кладутъ нѣсколько серебрянныхъ, золотыхъ и другихъ цѣнныхъ вещей. Потомъ отверстіе обвязываютъ красною шелковою тканью, опоясавъ шелковыми, всѣхъ пяти цвѣтовъ, нитками.⁴¹⁾ Когда поднимутъ занавѣску у носилокъ, кто-нибудь изъ женщинъ дастъ эту вазочку невѣтѣ съ тѣмъ, чтобы она держала ее у своей груди, въ рукахъ. Этимъ дѣйствіемъ начинается рядъ предразсудковъ, привязанныхъ къ словамъ, имѣющимъ два значенія. Вазочка по-китайски называется—пинъ; невѣста держитъ вазочку 寶瓶 бао-пинъ: но эти же самые звуки могутъ еще значить: полное обладаніе счастьемъ 抱平.

Въ это же время, почти вмѣстѣ съ вазочкой, даютъ невѣтѣ откусить яблока, котораго кусокъ она держитъ во рту до тѣхъ поръ, пока не сядетъ на канъ. Здѣсь она вынимаетъ его изъ рта и передаетъ кому-нибудь, чтобы положили на столъ или выбросили вонъ. Это дѣйствіе тоже называется бао-пинъ, но здѣсь бао значитъ наполнять и даетъ такой смыслъ: преисполниться счастьемъ. Когда невѣста выходитъ изъ носилокъ, заготавливаютъ еще жаровню съ горящими углями, хотя бы свадьба совершалась лѣтомъ. Жаровня эта называется 火池 Хо-чи и выражаетъ собою достатокъ, кипучую жизнь, дѣятельность и проч. Когда невѣста выходитъ изъ носилокъ, то у самаго порога, на первомъ шагу переступаетъ чрезъ сѣдло и два яблока, положенные подъ красное сукно, по которому ей итти въ свою комнату. Сѣдло по-китайски 鞍 анъ, яблоко 蘋 пинъ: вмѣстѣ оба слова составляютъ 平安 пинъ-анъ, или общепринятое выраженіе благополучія, счастья и проч.

5). Заготавливается изображеніе Духовъ Неба и земли 天地馬兒, *Тинь-ди-маръ*. Смотри потому, въ какую сторону должно быть обращено лицо невѣсты, когда она будетъ выходить изъ носилокъ—въ такомъ именно направленіи вѣшаютъ или раскладываютъ на стулѣ

⁴¹⁾ Пять классическихкихъ цвѣтовъ, соответствующихъ пяти стихіямъ.

поставленномъ на столъ, изображеніе Неба и земли. На этомъ импровизированномъ жертвенникѣ разставляютъ восковыя свѣчи, курильницы, полагаютъ связку курительныхъ благовонныхъ свѣчъ, бумажныя свертки, означающіе деньги и проч. Когда невѣста выйдетъ изъ носилокъ, къ ней приближается женихъ такъ, чтобы невѣста была у него съ правой руки и они вмѣстѣ дѣлаютъ три поклона въ землю; это поклоненіе называется 拜天地 бай-тянь-ди. Поклоненіе Небу и землѣ имѣетъ значеніе извѣщенія Неба и земли, что бракъ, или соединеніе двухъ существъ, для взаимнаго сожитія, совершился. Послѣ этого поклоненія, маръ и всѣ прочія бумажныя вещи, сежигаются подъ пыномъ. Поклоненіе Небу и землѣ невѣста дѣлаетъ, оставаясь подъ покрываломъ.

б). Совершивъ поклоненіе Тянь-ди, невѣста влѣзаетъ на канъ и садится, какъ ей подобаетъ, на востокъ или западъ, лицомъ къ Си-шень. Къ ней подсѣдаетъ женихъ такъ, чтобы его лицо было обращено прямо къ невѣстѣ и снимаетъ съ головы ея покрывало. Послѣ этого они сидятъ нѣкоторое время вмѣстѣ, не говоря ни слова другъ другу. Очень непріятное, неловкое положеніе, но дѣлать нечего, такъ принято. Это дѣйствіе называется 坐帳 цзо-чжанъ, т. е. сидѣть на постелѣ. По времени, новобрачнымъ подносятъ двѣ рюмки, связанные между собою краснымъ шнуромъ. Наливаютъ въ нихъ не вино, а воду съ чаемъ и женихъ пьетъ изъ рюмки, а невѣста изъ другой, потомъ они мѣняются рюмками до трехъ разъ.

Это дѣйствіе называется: 合巹 хэ⁴¹⁾-цзинь,⁴²⁾ т. е. пить изъ рюмокъ, связанныхъ между собою. Смыслъ,—единеніе согласіе, смыслъ, опирающійся не на дѣйствіи, а словѣ хэ, которое, кромѣ множества различныхъ значеній, выражаетъ—согласіе, миръ, любовь и проч. 和睦 хэ-му. Послѣ этого питья, приносятъ новобрачнымъ (цзы-сунь-бо-бо) пельмени, означающіе будущихъ потомковъ. Когда несутъ пельмени, изъ кухни въ спальню жениха, музыканты играютъ гимнъ—Сунь-цзы-нянь-нянь. Китайцы вѣрятъ, что эта богиня является и надѣляетъ новобрачныхъ даромъ плодовитости. Принесенныя пельмени ставятся на донышко опрокинутого таза, изъ котораго послѣ будетъ мыться невѣста. Опрокинутый 合着 хэ-чжо,⁴³⁾ здѣсь принимается опять въ значеніи мира, любви, согласія и проч. Когда невѣста откуситъ этихъ пельменей, тогда подносящая ихъ, дама, спрашиваетъ молодую: 生不生 шень-бу-шень? т. е. сырые-ли пель-

⁴¹⁾ Хэ—связанный, привязъ къ другой вещи.

⁴²⁾ Цзинь—рюмка.

⁴³⁾ Звукъ хэ, какъ уже было замѣчено, имѣетъ очень много значеній. Опрокинутый тазъ 合銅盆 хэ-тунъ-пынь; согласіе—хэ. 和.

мени или нѣтъ? Замѣтимъ, что ихъ нарочно недовариваютъ; невеста не отвѣчаетъ, какъ водится; но это неважно, потому что все убѣждены въ томъ, что они сыроваты (шенъ) и это убѣжденіе переносятъ на другой предметъ, понимая слово шенъ въ другомъ смыслѣ, именно—въ смыслѣ рождать. Такимъ образомъ изъ простого, обыкновеннаго и нарочно подготовленнаго случая—недоваренныхъ пельменей, выводятъ заключеніе, что невеста будетъ рождать; или, нарочно не—довариваютъ пельмени, чтобы получить звукъ—шенъ, и принявъ его въ другомъ смыслѣ, въ смыслѣ рождать, произносятъ его для того, чтобы невеста не оказалась безплодною. Поѣвши пельменей, женихъ уходитъ изъ спальни, а невеста принимается за туалетъ: моется, причесывается, набѣливается, подрумянивается.

Женихъ въ это время или отправляется въ домъ невесты дѣлать (кэ-тоу)—земные поклоны ея родителямъ, или, если мать за носилками дочери прибыла въ домъ жениха, то онъ усаживаетъ ее за столъ, на кану и стоя на колѣняхъ, до трехъ разъ подчуетъ ее виномъ, оканчивая это угощеніе тремя земными поклонами.

Головныя украшенія невесты, въ этотъ разъ ни чѣмъ не отличаются отъ употребляемыхъ въ обыкновенное время китайскими женщинами. По древнимъ китайскимъ обычаямъ 漢禮 (хань-ли) въ этотъ разъ, къ головнымъ уборамъ присоединяются два цвѣтка, сдѣланные изъ бархата, между листочками которыхъ привѣшиваются вышитыя шелками двѣ человѣческія фигурки (мальчики). Эти цвѣтки втыкаютъ по обѣимъ сторонамъ надъ ушами невесты, которая не сама снимаетъ ихъ вечеромъ, а должна ожидать—пока женихъ, вошедши въ спальню, не сниметъ ихъ, что впрочемъ не раньше дѣлается, какъ послѣ супружескаго ложа. Вынувъ изъ волосъ цвѣтки, женихъ, въ полутемнотѣ, втыкаетъ ихъ въ стѣну. На другой день мать невесты осматриваетъ—гдѣ?—выше или ниже половины разстоянія пола отъ потолка воткнуты эти цвѣты и поэтому заключаетъ, скоро ли или поздно у новобрачныхъ будутъ дѣти.

Предъ приходомъ жениха въ спальню, мать невесты, (если она здѣсь), еще разъ читаетъ ей наставленія, какъ принять жениха. Когда женихъ войдетъ къ невестѣ, та же мать, а если ее нѣтъ, то кто-нибудь другой, занимается приготовленіемъ макаронъ, по возможности длиннѣйшихъ. Предъ отправленіемъ молодыхъ на покой, предлагаютъ имъ 4-е чашки макаронъ: но они обязаны только отвѣдать ихъ, причемъ считается необходимымъ—не откусывать и не прерывать нитки макарона, а стараться забрать въ ротъ цѣликомъ. Длина макарона намекаетъ на долготѣіе. По окончаніи этой трапезы, все уходитъ изъ спальни невесты. Женихъ запираетъ

дверь спальни и ставить на полу, близъ кана, приготовленный ночникъ. Стараются, чтобы ночникъ былъ снабженъ достаточнымъ количествомъ масла и не погасъ бы какъ-нибудь, что, если случится, принимается за несомнѣнное указаніе на то, что кто-нибудь изъ супруговъ скоро умретъ. Ночникъ носить названіе: 長明灯 *чанг-мингъ* (жить)—дэнъ, т. е. свѣтильникъ долголѣтія. Соединеніе супруговъ на брачномъ ложѣ, въ этотъ разъ, называется: 合房 *хэ-фангъ*, т. е. соединеніе двухъ домовъ, двухъ фамилій. Если невѣста окажется непорочною дѣвицей, то кровь 喜 (*си*—радость), какъ свидѣтельство дѣвства, должна сберечь на полотенцѣ, или шелковой ткани, нарочно на этотъ случай заготовленномъ, чтобы на другой день показать кому слѣдуетъ матери своей, матери жениха, или кому-нибудь другому, чаще, впрочемъ, комунибудь одному.

Въ послѣднее время касательно этой статьи, розысканіе дѣлается не по всей строгости. Невѣсты, чувствующія за собою маленькіе грѣшки, всегда находятъ способъ добыть кровавое пятно на полотенцѣ. Семейство жениха, если иногда и имѣетъ основательные поводы заподозрѣвать непорочность невѣсты, то рѣдко рѣшается поднимать изъ за этого исторію, особенно, если удовлетворено по другимъ статьямъ, каковы: приданое и проч... Такимъ образомъ, все дѣлается для вида больше. Если мать невѣсты въ домѣ жениха, то послѣдній вышедши изъ спальни, дѣлаетъ ей цинь-ань (малый поклонъ), который на этотъ разъ имѣетъ значеніе благодарности, за сбереженіе въ чистотѣ и непорочности невѣсты. Если бы женихъ не сдѣлалъ цинь-ань, то это значило бы, что онъ нашелъ невѣсту не дѣвицей. Но это почти не случается, благодаря щекотливости китайцевъ касательно лица ⁴⁴)..... По выходѣ молодыхъ изъ спальни, всѣ ихъ поздравляютъ. Вслѣдъ затѣмъ пишутся два билета: 喜帖 *си-тѣ* радостный билетъ, и 請帖 *цингъ-тѣ* пригласительный билетъ.

На первомъ пишутъ: 閨門有訓 *гуй* ⁴⁵)-*мингъ-ю-сюнь*; дѣвица соблюла себя, какъ требуетъ законъ; на второмъ пишутъ: обыкновенное приглашеніе родителямъ и родственникамъ невѣсты пожаловать на рюмку водки и закуски. Каждый билетъ кладется въ отдѣльный ящикъ. Слуги, пришедши съ этими ящиками къ воротамъ невѣстина дома, должны самымъ неистовымъ образомъ, прокричать сперва: 喜帖來了 „*си-тѣ-лай-ле*“, т. е. радостный билетъ прибылъ! три раза. Потомъ вручивъ этотъ билетъ (*си-тѣ*), чрезъ добрую четверть часа, опять прокри-

⁴⁴). Выраженіе имѣть большое лицо значить получить большую честь; остаться безъ лица, значить быть пристыженнымъ униженнымъ и проч.

⁴⁵). Гуй сокровенный, т. е. дѣвица.

чать: „цинъ-тѣ-лай-ле“, пригласительный билетъ прибыль! Слугамъ даютъ нѣсколько денегъ. Все это дѣлается по хань⁴⁶⁾-ли т. е. по китайскимъ обычаямъ.

По 旗禮 (*ци-ли*) т. е. по обычаямъ 8-и знаменныхъ и вообще маньчжурь, не пишутъ этихъ билетовъ. Мать невесты и ея родные, на другой день послѣ свадьбы, сами приходятъ въ домъ жениха, полагаясь на честность выданной дѣвицы.

Случается, что гостей принимаютъ сухо, или даже невѣжливо, не дѣлаютъ лица, или даже оставляютъ безъ лица и тутъ-то разыгрываются сцены, оканчивающіяся дракою, судомъ въ ямынѣ, а иногда убійствомъ... Рѣдко поводомъ къ подобнымъ исторіямъ бываетъ кондуктъ невесты; чаще поднимается неудовольствіе изъ-за какихъ нибудь мелочей, изъ-за несоблюденія приличій, обычаевъ, либо обмана или подлога въ чемъ-нибудь и особенно изъ за лица.

Невеста послѣ первой ночи должна лишиться одной внѣшней принадлежности дѣвицы, именно такъ называемаго 頂 *динъ*, т. е. двухъ космочковъ волосъ на лбу, вверху висковъ. Призывается женщина, занимающаяся этимъ дѣломъ, которая щипчиками выдергиваетъ по-одному всѣ волоски, составляющіе динъ. Вмѣстѣ съ этимъ очищается все лицо невесты отъ волосковъ и подравниваются нѣсколько брови. У замужней женщины онѣ должны быть повозможности узки. Эта операція, особенно если соединяется съ выбриваніемъ четвероугольника на лбу, такъ иногда обезображиваетъ женщину, что съ трудомъ можно узнать ее. Но китайцы держатся другого на этотъ счетъ мнѣнія: послѣдняя операція носитъ у нихъ названіе: 開臉 *кай-лянъ*, т. е. открыть лицо, сдѣлать виднымъ, красивымъ. Когда молодая совершаетъ свой утренній туалетъ и когда ей дѣлаютъ открытіе лица, оно должно быть обращено въ сторону Си-шень.

По окончаніи туалета, молодая сходитъ съ кана 下地 (*ся-ди*) и, непосредственно за этимъ, входитъ въ комнату, гдѣ стоятъ фо-ѣ, боги и домашніе пенаты. Здѣсь, вмѣстѣ съ мужемъ, она дѣлаетъ три земныхъ поклона домашнимъ богамъ; затѣмъ, всѣмъ домашнимъ старшимъ, по три же земныхъ поклона, а младшимъ по одному малому поклону цинъ-ань: посему не только эта церемонія, но и самый день (слѣдующій послѣ прибытія невесты), называется: 分大小 *фынь-да-сяо*, до словно: различать большихъ, малыхъ, т. е. такой день, въ который открывается—кто въ домѣ старше, кто моложе. По окончаніи этой церемоніи, молодые возвращаются въ свою спальню, гдѣ имъ только вдвоемъ, предлагаютъ обѣдъ, по китайскимъ обычаямъ

⁴⁶⁾ Сюнь законъ, уставъ, правило.

отъ имени матери невесты; по манчжурскимъ обычаямъ отъ имени женихова дома. Угощеніе это называется: 緣飯 *юань-фань*, т. е. трапеза любви, мужа къ женѣ и обратно. Послѣ этого угощенія, посылаютъ за родными той и другой стороны. Молодые всѣмъ гостямъ дѣлаютъ кэ-тоу (земные поклоны) и за это молодая получаетъ подарки: кольца, браслеты, деньги и проч. Этотъ обычай сохраняется и у знатнѣйшихъ особъ. У бѣдныхъ все, вырученное невестою въ этотъ разъ, часто идетъ на покрытіе расходовъ свадьбы.

迎門 禮 *Инь-мынь-чжунъ*, т. е. встрѣча женихомъ—матери невесты, на другой день послѣ свадьбы. Гостя даетъ знать у воротъ о своемъ прибытіи. Тогда женихъ выходитъ за ворота и, у щита, на подушкѣ, становится на колѣни: здѣсь и въ такомъ именно положеніи, онъ угощаетъ мать своей жены, до трехъ разъ, виномъ, заканчивая эту церемонію тремя земными поклонами.

Когда мать невесты возвращается домой, ей дѣлается 攔門 禮 *лань-мынь-чжунъ* соответствующее: инь-мынь-чжунъ: тѣ же проводы, съ повтореніемъ угощенія виномъ, какъ выше при встрѣчѣ.

На второе утро послѣ свадебной ночи, (когда чужихъ никого не бываетъ), молодая, вставши и приварядившись, должна войти къ своей *посыльщице* *по-по* тещѣ и, прежде всего, сдѣлать ей цинь-ань. Потомъ, поднести ей раскуренную трубку, налить и подать почтительно чашку чаю. Затѣмъ, возвратившись въ свою комнату, 開箱 *кай-сянъ*, т. е. отпереть сундукъ и, вынувши оттуда пару башмаковъ, на блюдѣ, покрытомъ красной бумагой, поднести тещѣ ⁴⁷.) Наконецъ, въ этотъ же день, молодая обдариваетъ всѣхъ въ новомъ домѣ, начиная съ тестя и оканчивая слугами и служанками. Ради этой церемоніи и самый день этотъ называется 開箱日子 *кай-сянъ-жи-цза*, т. е. день открытія сундуковъ.

回門 *Хуй-мынь*. Возвращеніе къ роднымъ воротамъ. Такъ называется первый визитъ молодой своимъ родителямъ. Въ древности это дѣлалось на девятый день, но теперь, во избѣжаніе расходовъ, спѣшатъ окончить брачный пиръ и хуй-мынь бываетъ, обыкновенно, на четвертый или на шестой день,—первое чаще. Молодые отправляются врозь и молодая прежде своего мужа: но до отправленія она непременно должна предстать своей тещѣ, поднести ей набитую трубку, и напоить чаемъ и сдѣлать три земныхъ поклона. Молодой, прощаясь съ родителями, дѣлаетъ малый поклонъ.

Въ телѣгѣ молодая садится на красную подушку. Она прибываетъ и входитъ въ домъ родителей безъ особенныхъ церемоній;

⁴⁷). Башмаки, подносимые тещѣ, имѣютъ значеніе подчиненія послушанія со стороны молодой.

ее даже не встрѣчаютъ. Когда, спустя нѣсколько времени, придетъ молодой, то всѣ, даже теща и тесть, выходятъ ему на встрѣчу, привѣтствуютъ и просятъ войти. Гостямъ немедленно подносятъ чай, но едва они успѣютъ откушать, какъ вносятъ красную подушку, на которой приѣхала молодая и кладутъ ее предъ божницей. Мужъ встаетъ со своего мѣста, становится на колѣни предъ божницею и дѣлаетъ три земныхъ поклона. Въ это время кто нибудь изъ присутствующихъ три раза ударяетъ въ мѣдный тазъ. Это поклоненіе мужа, называется 拜家堂佛 *бай-цзя-тань-фо*, поклоненіе домашнимъ пенатамъ. Послѣ этой церемоніи бываетъ представленіе мужа всѣмъ родственникамъ со стороны невесты. По маньчжурскому обычаю, при представленіи мужа всѣмъ женинымъ родственникамъ, супругъ дѣлаетъ цинь-ань,—по китайскому обычаю—кэ-тоу. Обычай маньчжурскій за кэ-тоу отплачиваетъ подарками мужу; обычай китайскій за цинь-ань, ничего не даетъ. По маньчжурскимъ обычаямъ гости, т. е. молодые, не засиживаются и послѣ обѣда, захавъ на короткое время домой, въ этотъ же день отправляются на родовое кладбище мужа, 拜祖 *бай-цзу* т. е. дѣлать земные поклоны надъ могилами предковъ. По китайскому обычаю, поклоненіе предкамъ дѣлается на слѣдующій день, а потому молодые остаются въ гостяхъ, до вечера.

道乏磕頭 *Дао-фа-кэ-тоу*. Такъ называются визиты, сопровождаемые поклонами въ землю, которые дѣлаютъ молодые своимъ роднымъ, объѣзжая ихъ одинъ за другимъ. Визиты эти дѣлаются на четвертый, пятый и слѣдующіе за тѣмъ дни послѣ свадьбы. По маньчжурскому обычаю, эти визиты дѣлаются врозь; по китайскимъ обычаямъ вмѣстѣ женихомъ и невестою; при чемъ, невеста опять дѣлаетъ кэ-тоу и получаетъ подарочки.

認親 *Жэн-цинг*. На первый девятый 單九 (*дань-цзю*) послѣ свадьбы день (а почему 9-й неизвѣстно, это—древнее обыкновеніе); непременно, либо молодую должна мать пригласить къ себѣ въ гости, либо сама навѣстить дочь, въ ея новомъ домѣ. Во второй девятый день 雙九天 (*шунг-цзю-тянь*) повторяется то же.

對月 *Дуй-юэ*, соответствующая луна. Въ древности, по истеченіи мѣсяца отъ дня свадьбы, мужъ и жена переселялись къ родителямъ жены и тамъ проводили въ гостяхъ, весь второй мѣсяць. Теперь въ это время одна жена отправляется въ домъ своихъ родителей и, первый разъ послѣ свадьбы, ночуетъ не у мужа, а у своихъ родителей. Но время пребыванія ся здѣсь, рѣдко продолжается болѣе 10-ти, 20-ти дней; но непременно четное число.

Представленіе молодой въ храмъ предковъ совершается только тамъ, гдѣ есть эти храмы, которыхъ, вообще, очень мало у китайцевъ.

Совершается эта церемонія сряду послѣ поклоненія предкамъ на кладбищѣ и состоитъ въ томъ, что жена дѣлаетъ нѣсколько земныхъ поклоновъ преть дощечкамъ съ именами предковъ.

Конiecъ свадьбы обыкновенной.

辦孝服 *Бань-сяо-фу*, т. е. свадьба на скорую руку, по случаю смерти кого-нибудь изъ старшихъ родственниковъ жениха.

Свадьба на скорую руку бываетъ тогда, когда въ началѣ сватовства, послѣ сговора (динъ-ли), умретъ кто-нибудь изъ такихъ родныхъ жениха, по которымъ длинный трауръ, а между тѣмъ, либо лѣта молодыхъ людей, либо что-нибудь другое, не терпитъ отлагательства. Если бы у сговоренной невѣсты отецъ или мать умерли, то и тогда свадьба бываетъ въ свое время. Это не мѣшаетъ.

Вышедши замужъ жена по своимъ родителямъ налѣваетъ и носить трауръ, только съ дозволенія мужа и его родныхъ. Впрочемъ, бракъ на скорую руку можетъ быть совершенъ не иначе, какъ съ согласія невѣсты и ея родителей. Если съ этой стороны нѣтъ препятствія, то, на третій день послѣ смерти покойника, гробъ и всѣ принадлежности траура ставятъ въ отдѣльную комнату, которая запирается и дверь заклеивается красною бумагою. Родныхъ не цинъ, а гао-су, т. е. оповѣщаютъ. Невѣста садится и прибываетъ въ домъ жениха, не въ красныхъ, а въ зеленыхъ или черныхъ носилкахъ. Музыка играетъ только у воротъ невѣсты. Въ одну ночь или въ одинъ день кончается все, и, затѣмъ, на другой день молодая облачается въ трауръ, послѣ чего похороны (*ли*) идутъ своимъ чередомъ. Охотниковъ до такихъ свадебъ очень мало, потому что есть предразсудокъ — будто бы небо не благословляетъ подобнымъ образомъ заключенный бракъ.

辦國服 *Бань-го-фу*, или свадьба на скорую руку, по случаю траура по царственнымъ особамъ ⁴⁸⁾.

Въ самомъ началѣ траура по царственнымъ особамъ, ⁴⁸⁾ всегда дается народу нѣсколько дней, для того, чтобы въ продолженіи ихъ онъ могъ покончить свои дѣла, несомвѣтныя съ предстоящею печалью по высокому покойникѣ. Подъ такими дѣлами разумѣются по преимуществу свадьбы, запрещаемыя во все продолженіе траура. Само собою разумѣется, что при такихъ свадьбахъ, совершаемыхъ, такъ сказать, въ виду гроба царственного покойника, не могутъ быть допущены

⁴⁸⁾ Императору, императрицѣ и матери императора; по остальнымъ членамъ императорской фамилии, не бываетъ общественнаго траура а только частный, домашній.

ни пышные обряды, ни слишкомъ громкія выраженія веселія. Свадебный обрядъ совершается тихо, спокойно, почти незамѣтно для постороннихъ. Не бываетъ ни торжественной процессіи съ приданнымъ невесты, ни пышнаго поѣзда молодой; вовсе не воздвигаютъ пыновъ и триумфальныхъ воротъ; музыка не принята въ этомъ случаѣ. Не иначе какъ ночью, безъ факеловъ и свадебныхъ фонарей, въ сопровожденіи одной почетной дамы, въ черныхъ, либо зеленыхъ носилкахъ, невеста пребываетъ въ домъ жениха.

Здѣсь, то же отсутствіе пышности и торжественности: не большое общество, самыхъ ближайшихъ родственниковъ жениха, встрѣчаетъ запросто невесту; свадебные обряды совершаются безъ зазыванія трубъ, безъ трескотни бубновъ и взрыва ракетъ; все торжество оканчивается скромною, молчаливою трапезой. Любители пышныхъ свадебныхъ обрядовъ—люди богатые, сильно не жалуютъ этого рода свадебъ, и справляютъ ихъ такимъ скромнымъ образомъ, только въ случаѣ самой крайней нужды: но люди бѣдные женятся въ началѣ траура по царственнымъ особамъ цѣлыми толпами, по той уважительной причинѣ, что свадьба въ это время обходится въ десять кратъ дешевле, чѣмъ во всякую другую пору.

(Продолженіе слѣдуетъ).

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ.

(Изъ Вэй-хуй-фу).

Вчера лишь я вернулся изъ Кай-фэнъ-фу. Раньше не могъ поѣхать туда,—было ненастье и поломка пути. Въ Кай-фэнъ-фу, я не знаю,—какъ велики матеріальныя средства, но въ женской нашей школѣ обстановка мнѣ очень понравилась. Домъ отремонтированъ вновь, все отдѣлано просто, но уютно, окна съ одной стороны продолговатыя, узкія. Столы тоже узенькіе, длинные, должно быть специально изготовлены, а можетъ быть во всѣхъ женскихъ школахъ въ Китаѣ такіе столы приняты, не знаю; но разставлены они со вкусомъ и занимаютъ мало мѣста. Учениць 15 человекъ, подобраны одинаковаго возраста, не глупыя дѣвочки и, какъ видно, изъ хорошихъ семействъ, одѣты прилично. Учительницъ двѣ, одна учитъ грамотѣ, другая рукодѣлю. Онѣ говорили мнѣ объ оглашаемыхъ ко крещенію женщинахъ, что есть желающія креститься, но смущаются тѣмъ, что нужно погружаться въ воду при священникѣ, мушинѣ. Я объяснялъ имъ, что купель устраивается за ширмами, что тамъ ни кого кромѣ женщинъ не бываетъ, а священникъ читаетъ молитвы въ самой церкви посрединѣ. Но, возражаютъ, какъ же

при миропомазаніи быть, хорошо бы если бъ священникъ была женщина, тогда многія бы женщины крестились въ Кай-фэнъ-фу. Когда я сказалъ, что не можетъ быть священникомъ женщина, онъ очень, сожалѣли объ этомъ. Посылаю при семъ списокъ именъ ученицъ, получающихъ пищу отъ миссіи, ихъ 10 человекъ.

Въ мужской школѣ учениковъ 37 человекъ, они раздѣлены на двѣ группы, да еще обижаются, что помѣщенія мало, а учениковъ можно принять сколько угодно: многіе просятъ, и все на своемъ содержаніи.

Въ Нинъ-линъ-сянѣ, который находится далѣе Ци-сяня на сто ли, тоже открыта наша мужская школа и есть теперь шестнадцать учениковъ. Учитель тамъ по фамиліи Сь-Юй-Чэнъ. О немъ рассказываютъ, что, женившись, онъ сорокъ лѣтъ не имѣлъ дѣтей, а ему очень хотѣлось имѣть сына. Познакомившись съ нашими Матвѣемъ и Феодоромъ, по ихъ совѣту, онъ сталъ молиться Богу и просить объ этомъ. Не прошло и года, какъ у него родился сынъ. Радъ онъ, конечно, до безумія... Чувствуетъ благодарность своимъ новымъ друзьямъ, научившимъ его молиться.

Теперь у насъ въ провинціи Хэ-нань всего учащихся 148, имен но—Нинъ-линъ-сянѣ 16 человекъ, въ Ци-сянѣ 20, въ Кай-фэнъ-фу 52 и Вэйхуйфу 60.

У меня теперь слушаютъ русскій языкъ три взрослыхъ ученика. Ученики хорошіе, занимаются усердно. Раньше была группа въ 8 человекъ, но пятеро получили мѣста и служатъ за жалованье. Нѣкоторые изъ тѣхъ учились у меня живописи, но эти трое не пожелали, а занимаются вмѣсто того, въ тѣ же часы, по арифметикѣ. Хорошо успѣваютъ. Прекрасно рѣшаютъ задачи на все четыре дѣйствія, и довольно трудныя. Учитель Яковъ тоже беретъ у меня уроки русскаго языка и арифметики, но отдѣльно отъ тѣхъ трехъ, такъ какъ у него тѣ часы, въ которые я занимаюсь съ тѣми, заняты уже работою въ школѣ. Гравированіе на доскахъ продолжаемъ по европейскому способу и русскими грабштихелями. Выходитъ сносно, но доски плохи, надо выписать-бы изъ Россіи пальмовыхъ досокъ, приготовленныхъ спеціально для гравированія.

О нашемъ общемъ знакомомъ, Юань-ши-каѣ, я слышалъ, что онъ опасается всѣхъ, никуда изъ дома не выходитъ, не довѣряетъ повару, самъ осматриваетъ провизию на кухнѣ, боится, чтобы не отравили. Торопится строить себѣ новый домъ, вѣроятно, по европейскому типу или какойнибудь крѣпкій замокъ, въ которомъ онъ могъ бы укрыться отъ преслѣдованія своихъ враговъ.

Ма, та II-го дня 1909 г.

Ф. Власовъ.

Краткое объясненіе ежедневнаго церковнаго Богослуженія*).

(Продолженіе; см. вы. 2 Кит. Бл. за 1909 годъ.)

我們在這個時候、怎麼樣不去站在上帝面前、一邊兒感謝祈禱、一邊兒憂愁改悔呢、黃昏的祈禱、到了晚上、身體乏了、沒有力氣了、就得去歇息歇息了、靈魂也是這麼、也得歇息歇息了、身體呢去睡覺、像死的似的、爲的是早上起來、還可以做新的物件、但是那靈魂呢、歇息在上帝那兒、你想想、在睡覺的時候、祈禱上帝、多麼恰當、聖教會裡、一到太陽落山、吃晚飯之後、就叫我們去、行晚上的禮、爲的是求上帝保護身體、一直的到死、救出靈魂、別在那黑暗裡頭住着了、

不論在那一個聖教會裡的好日子、要是熱心的、虔誠的奉教人、想要不睡覺、全夜的祈禱上帝、那種事奉、就叫全夜的事奉、這全夜的事奉、並不是別的、就把那晚上的祈禱、和早上的祈禱、連串在一塊、就是了、那在古時候、是從太陽落山之後一忽兒、直到天亮、現在阿風山上、還是全夜、

聖教會裡、因爲我們人、都有點兒事情擾住的不方便、就把這事奉分開了、或是在堂裡、或是在家裡、這是聖教會諒人的好處、叫我們去上堂、只第三次、把幾個事奉、連在一塊兒了、半夜的、早上的、第一個時辰的祈禱、接連不斷的、行、也不叫一次次下堂了、第三個時辰的、第六個時辰的祈禱、在利圖兒吉亞之前、連着念了第九個時辰的、黃昏的、晚上的祈禱、也就連著唱了、

*) Переводъ Петра Чжанъ.

Годъ изданія. VII.

Годъ изданія VII.

Открыта подписка на 1909 г. на

„ХАРЬБИНСКІЙ
ВѢСТНИКЪ“

Газета торгово-промышленная, экономическая, литературная и общественная. Выходитъ ежедневно, кромѣ дней послѣбразничн. Газета печатаетъ телеграммы собств. корреспондентовъ и Петербургскаго телеграфнаго агентства и содержитъ отдѣлы: Официальный отдѣлъ (опубликованіе и разъясненіе наиважнѣйшихъ распоряженій желѣзнодорожной администраціи). Руководящія статьи. Хроника. Сибирскія вѣсти. Жизнь Дальняго Востока. Обзорныя печати. Торговья и желѣзнодорожныя извѣстія. Фельетонъ. Театръ и музыка.

Справочный отдѣлъ.

Главное вниманіе обращено на изученіе Дальняго Востока въ торговомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Ближайшее участіе въ газетѣ принимаютъ: по алфавиту

Абросимъ Н. И., Вайнгуртъ Я. М., Васильевъ, Веревкинъ И. Н., Галинъ С., Игнатовичъ Л., Ирклезевскій А., Зайцевъ В., Керръ Л., Куртоевъ 2, Козловъ, В. Д. д-ръ Розановъ, Русецкій Ф. Ф., Сенгалинъ В. С., Соколовъ С. С., Сунъ ху д., Тишенко Н. С., Усовъ Н. А., Фоменко С. М., Хмировъ И. И., Штейфельдъ П. П. и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

для городскихъ и иногородн. подписчиковъ.

На 1 годъ	10 руб.—коп.	На 5 мѣсяць	5 руб.—коп.
„ полгода	6 „ — „	„ 7 „	6 „ 75 „
„ 1 мѣсяць	1 „ 20 „	„ 8 „	7 „ 50 „
„ 2 „	2 „ 30 „	„ 9 „	8 „ 25 „
„ 3 „	3 „ 25 „	„ 10 „	8 „ 75 „
„ 4 „	4 „ 20 „	„ 11 „	9 „ 50 „
Для служащихъ Кит. Вост. ж. д.		съ разсрочкой по четвертямъ:	
На 1 годъ	6 руб.—коп.	На 5 мѣсяцевъ	3 руб. 20 „
„ полгода	4 „ — „	„ 7 „	4 „ 20 „
„ 1 мѣсяць	— „ 75 „	„ 8 „	4 „ 50 „
„ 2 „	1 „ 50 „	„ 9 „	4 „ 80 „
„ 3 „	2 „ 10 „	„ 10 „	5 „ 20 „
„ 4 „	2 „ 70 „	„ 11 „	5 „ 50 „
За границу разсрочка не доускается.		На 1 годъ—14 р., полгода—8 руб.	

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

Впереди текста за строку пята—30 к. Позади текста—15 к. Торгово-промышленныя объявленія при печатаніи сериями пользуются скидкой по соглашенію.

За объявленія о личныхъ услугахъ и заработкѣ 5 коп. строка.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежемѣсячный русскій журналъ, издаваемый въ Японіи,

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

черезъ редакцію непосредственно:

ЗАГРАНИЦУ: На годъ.

ШЕСТЬ рублей или іэнь или по курсу въ иностранныхъ деньгахъ,

На полгода

ТРИ рубля.

На четверть года ПОЛТОРА рубля.

На одинъ мѣсяць ПЯТЬДЕСЯТЬ копеекъ.

ВЪ ЯПОНІИ: На годъ

ЧЕТЫРЕ іэна пятьдесятъ сэнъ.

На полгода

ДВА іэна двадцать пять сэнъ.

На четверть года ОДИНЪ іэнь пятнадцать сэнъ

Внѣ подписки въ отдѣльной продажѣ въ Японіи ПЯТЬДЕСЯТЬ сэнъ и за границей ШЕСТЬДЕСЯТЬ коп. или сэнъ или по курсу въ иностранныхъ деньгахъ.

При подпискѣ черезъ агентовъ набавляется 10% сверхъ приведенной расцѣнки.

Всѣ денежные переводы должны направляться или черезъ Русско-Китайскій банкъ въ Йокогамѣ на имя редактора-издателя журнала „Восточнаго Обозрѣнія“, или почтой по адресу:

Черезъ Владивостокъ, Японія, Йокогама.

Редакція русскаго журнала „Восточное Обозрѣніе“

The Editor and Publisher of the „Vostochnoe Obozrenie“

P. O. Box 127, Yokohama, Japan.

При выпискѣ и корреспонденціи изъ другихъ мѣстъ кромѣ Россіи, достаточно ограничиться лишь вышеприведеннымъ адресомъ на англійскомъ языкѣ.

Редакторъ-Издатель К. Полиновъ. (Полисонъ).

СОДЕРЖАНІЕ.

Пастырское настроеніе. (Продолженіе)
Воспоминаніе объ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ
Дневникъ, веденный въ Пекинѣ съ 1-го денбра 1830-го года. (Продолженіе)
Брань у китайцевъ. (Продолженіе)
Корреспонденція
Краткое объясненіе ежедневнаго церковнаго Богослуженія
Объявленія

Редакторъ Архимандритъ
Авраамій.

Печатать дозволяется.
Епископъ Иннокентій

Г. ПЕКИНЪ.

Типографія Успенскаго Монастыря при Русской Духовной Миссіи.

1909